

Мой случайный

Иветта Армер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иветта Армер
Мой случайный

«Автор»

2025

Армер И.

Мой случайный / И. Армер — «Автор», 2025

"Скажи куда приехать я приеду," написал мне незнакомец. Меня передернуло. Не от предложения, хотя оно и корявое, а от наглости. Будто я тут сижу и только жду, когда ко мне какой-то неграмотный Казанова явится. И вот, не успела я мысленно послать его куда подальше, как приходит следующее сообщение: "А потом еще это наглец спросил что подарить любовнице, ну не дурак?" Я, конечно, понимаю, в интернете всякое бывает, но чтобы вот так, сразу и без предисловий – это уже перебор. Интересно, чего он вообще от меня ждет? Совета? Сочувствия? Или просто решил похвастаться своей амурной жизнью?

© Армер И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иветта Армер

Мой случайный

Глава 1

Глава 1

Сообщение вспыхнуло на экране, словно спичка в крошечной тьме, – дерзкий вызов серости вечера. "Скажи куда приехать, я приеду". Любопытство кольнуло под ложечкой, заставив машинально коснуться его анкеты. Что скрывается за этой наглостью?

Профиль был лаконичен, но говорил о многом. Фотография притягивала взгляд, словно магнит: мужчина. Крепкий, матерый, где-то между тридцатью пятью и сорока. Едва заметная щетина подчеркивала волевым подбородок, а взгляд... в этом взгляде чувствовалась дикая, неукротимая сила. Взгляд хищника, высматривающего добычу.

– Мы знакомы? – напечатала я, внезапно ощутив легкое волнение.

– Пока нет, – последовал незамедлительный ответ, – покажи свой закрытый альбом.

– Я здесь просто так, из любопытства, – отрезала я, стараясь казаться неприступной, – никого не ищу.

Совершенно не хотелось втягиваться в этот бессмысленный пинг-понг. Я не верила в любовь по щелчку мыши, в чувства, рожденные на просторах интернета. Да и, честно говоря, не было сил объяснять, что на сайте знакомств я... не знакомлюсь. Парадокс, понимаю. Глупая прихоть подруги, не более. Никаких иллюзий.

– А тебя кто-то спрашивает?

Незнакомец явно не отличался застенчивостью. На горизонте замаячил еще один охотник.

– С каких это пор мы на "ты"? Не припомню момента фамилльярности.

– Ладно, зайдем с другой стороны. У моей любовницы сегодня день рождения, что ей подарить?

Кажется, его немного занесло. С чего я должна знать, чем улаживать его пессию? Какое мне до этого дело?

– Я вам что, консультант по подаркам для любовниц? Вы ничего не перепутали?

– А ты что, консультант по чужим проблемам? Или скучающая барышня, коротающая вечер в сети? В любом случае, совет не помешает. Мозговой штурм, так сказать. А то я уже всю голову сломал. Хочется удивить, чтобы запомнилось.

Этот наглец явно наслаждался моей реакцией. Чувствовала, как закипаю. Кто он такой, чтобы так бесцеремонно вторгаться в мое личное пространство? Но что-то в этом циничном флирте цепляло. Может быть, его уверенность, может быть, откровенная развязность, а может быть, просто банальное любопытство.

– Знаете, – напечатала я, стараясь сохранить видимость спокойствия, – вашей любовнице будет гораздо приятнее, если вы сами проявите фантазию. А если фантазии нет, может, стоит задуматься о том, насколько она вам дорога?

– Философский ответ, – тут же последовал ответ, – но мне нужен конкретный предмет. Что-то, что скажет ей о моих чувствах, но не обяжет меня ни к чему серьезному. Знаешь, что говорят: лучший подарок – тот, который человек не купит себе сам.

Я задумалась. Он, конечно, хам редкостный, но вопрос интересный. И, признаться, слегка заинтриговал. Что подарить любовнице, чтобы подчеркнуть ее особенность, не переходя грань личного? Задача со звездочкой, посыпанная перцем цинизма.

– Труселя ей красные, чтобы ее задницу было видно из далека

- Думаешь прокатит?

- Я не думаю, просто предположила, что бы хотела получить ваша любовница в подарок.

- Оригинально, – ответил он, после небольшой паузы. – Дерзко. В твоём стиле?

Я усмехнулась, представив, как он сейчас читает мое сообщение, пытаясь разгадать, что за ним кроется. Игривость? Насмешка? Или просто желание сбить его с толку? В любом случае, кажется, мне удалось его заинтересовать.

- Не знаю, в каком стиле обычно общаются ваши любовницы, – ответила я, – но, судя по вашим запросам, красные труселя с блестками вполне впишутся в концепцию "не обязывает ни к чему серьезному". А если хотите добавить изюминку, подарите ей увеличительное стекло. Чтобы детальнее рассмотрела ваш щедрый подарок.

Он прислал смеющийся смайлик.

- Ты язва, – написал он. – Но мне нравится твой подход. Слушай, а может, ну ее, эту любовницу? Пойдем лучше кофе выпьем? В честь ее дня рождения.

Я закатила глаза. Как банально. И как предсказуемо. Но, признаюсь, что-то внутри меня дрогнуло. Этот наглый тип, с его циничными вопросами и не менее циничными намерениями, вызывал во мне странный интерес. Возможно, потому что он не пытался казаться лучше, чем есть. Возможно, потому что его откровенность обезоруживала. А возможно, просто потому что мне было скучно.

- Знаете, – напечатала я, – боюсь, я не пью кофе с незнакомцами, которые ищут идеи для подарков своим любовницам. Но если вы передумаете дарить ей красные труселя и решите подарить что-то по-настоящему ценное, можете обратиться ко мне. Может быть, тогда я и соглашусь на чашку кофе. В знак признательности за спасенный праздник.

Он ответил почти мгновенно: "Интригующе. Что ты имеешь в виду под "по-настоящему ценным"? Золото? Бриллианты? Или, может, ты намекаешь на что-то более... душевное?"

Я задумалась. Что я действительно имела в виду? Деньги меня никогда особо не интересовали, а душу этого типа, казалось, давно вытравили дорогим виски и случайными связями. Но что-то в его вопросе зацепило. Возможно, это был вызов. Желание доказать ему, что за маской циника скрывается нечто большее.

- Что-то, что нельзя купить, – ответила я. – Что-то, что останется с ней, даже когда красные труселя с блестками покроются пылью. Что-то, что покажет, что вы видите в ней не просто красивую картинку, а человека.

Он долго не отвечал. Я уже начала думать, что он решил, что я сошла с ума со своими философскими изысканиями. Но вдруг пришло сообщение:

- Хорошо, допустим. И что же это может быть, по-твоему? Просвети меня, гуру подарков.

Теперь в его тоне звучало неприкрытое любопытство. Игра продолжалась, и мне это начало нравиться.

Я прикусила губу, обдумывая ответ. Проще всего было бы назвать какую-нибудь банальность вроде "внимания" или "заботы". Но это было бы слишком предсказуемо, слишком плоско. Ему нужен был удар под дых, что-то, что заставит его пересмотреть свои представления о мире.

- Воспоминание, – напечатала я наконец. – Не просто фотография в соцсети, а настоящее, живое воспоминание. То, которое вы создадите вместе, то, что будет согревать ее в самые холодные ночи. Что-то, что будет принадлежать только вам двоим.

После этих слов повисла долгая пауза. Я уже почти отчаялась дождаться ответа, как вдруг экран телефона загорелся.

- И как же, по-твоему, создаются эти самые 'воспоминания'? – спросил он, и в этом вопросе я почувствовала искру подлинного интереса. Кажется, мне удалось задеть его за живое.

-Тут нет универсального рецепта, – ответила я, чувствуя, как во мне просыпается азарт.
– Но есть ингредиенты: спонтанность, искренность и готовность выйти из зоны комфорта. Забудьте о красных труселях, забудьте о дорогих ресторанах. Сделайте что-то безумное, что-то настоящее. Посмотрите вместе на звезды, станцуйте под дождем, заблудитесь в незнакомом городе. Что угодно, что заставит ее сердце биться чаще, а вас – почувствовать себя живым.

Глава 2

Глава 2

Прошло несколько мучительных, словно отравленных дней с тех пор, как этот наглец осмелился потревожить мой мир своим дерзким сообщением. "Приехать он хочет!" – словно удар хлыстом, обжег меня. Кто он такой, этот бесцеремонный выскочка? Имени не соизволил открыть, зато с наглой развязностью поинтересовался, что подарить любовнице. Просто отвратительно!

– Ну что, ждала меня, моя Снежная Королева?

Экран телефона вдруг пронзила ослепительная вспышка входящего сообщения, словно молния, распоровшая бархатную тьму ночи. Сердце встрепенулось – я мгновенно узнала его подчerk.

– Вы, собственно, кто? – напечатала я, стараясь сохранить невозмутимый вид, словно ледяная статуя. Не хватало еще показать, что этот... нахальный незнакомец хоть на миг задержался в моих мыслях, - и вот еще что, мое имя Глория.

– Ах вот как! Тогда начнем нашу игру иначе. Твое предложение с алыми трусиками возымело неожиданный эффект, – пришло в ответ, словно издевательский поцелуй, - я Давид, детка.

– Неужели дама вашего сердца не разрыдалась от столь... оригинального подношения? – съязвила я, чувствуя, как волна гнева обжигает щеки.

– Боюсь, ее утонченные вкусы несколько отличаются от твоих скабрeзных фантазий. Но ты ведь предложила, значит, знаешь толк в подарках для содержанок? – его слова полоснули по самолюбию, словно лезвие бритвы.

Я едва не выронила телефон, словно прикоснулась к раскаленному углю. Как он смеет фамильярничать со мной в подобном тоне? Это уже за гранью всякого приличия!

– Надеюсь, вы получили достаточно пикантных впечатлений от этой "милой" беседы. Прошу вас впредь меня не беспокоить, – напечатала я, дрожащими пальцами блокируя номер, словно отсекая ядовитые усики назойливого спрута.

Но едва успела я отложить телефон, как он снова завибрировал. Номер был незнакомый.

– Неужели ты наивно полагала, что так легко от меня избавишься? Мне стало безумно интересно, кто ты такая, дерзкая незнакомка. И я непременно это выясню.

В голове закружилась бешеная карусель мыслей, словно осенние листья, подхваченные безжалостным ураганом. Кто этот человек? Как он узнал о злополучных трусах? И почему он так настойчиво пытается прорваться в мою жизнь, словно одержимый маньяк? Страх и необузданное любопытство вступили в яростную схватку, разрывая мою душу на части.

Решив, что самое действенное оружие – это полное игнорирование, я демонстративно выключила телефон, словно захлопывая дверь в темную, пугающую комнату, и отчаянно попыталась сосредоточиться на работе. Но его едкие слова эхом отдавались в моем сознании, не позволяя мне расслабиться ни на секунду, словно ядовитые змеи, туго обвившиеся вокруг моей шеи.

Этот незнакомец дерзко вторгся в мою упорядоченную жизнь, нарушил ее привычный ритм, словно незваный гость на изысканном званом ужине, и я совершенно не представляла, как остановить этот хаос.

– Возможно, я вас огорчу, но смею заверить, что о вас я вообще не думаю.

Я решила не выдавать своего смятения, не показывать, что он заинтриговал меня своей вопиющей развязностью. Пусть тешит себя иллюзией, что я к нему абсолютно равнодушна.

– Прикинь, у меня стоит целый день, секретарша куда-то смылась, хотел ее позвать, чтобы отсосала.

– Не подскажите, к чему мне эта бесценная информация?

– Дай свой номер телефона, созвонимся по видео, я хочу немного развлечься, а ты мне в этом поможешь.

– Сто двенадцать, бесплатно и круглосуточно. Уверена, там вам окажут необходимую помощь.

Решив не продолжать этот абсурдный разговор, я вышла из сети.

Выскочив из сети, я почувствовала себя беглянкой, сбежавшей от безумного преследователя. Сердце бешено колотилось, словно испуганная птица в тесной клетке, а в голове пульсировала одна и та же мысль: "Кто он такой?". Этот наглый, пошлый, бесцеремонный... незнакомец. Он проник в мою жизнь, словно вирус, заражая ее своим ядом. Я отчаянно пыталась понять его мотивы. Простое желание поразвлечься, поиграть с незнакомкой? Или за этим скрывается что-то большее, что-то зловещее?

Весь день прошел как в густом тумане. Я автоматически выполняла свои служебные обязанности, но мои мысли постоянно возвращались к нему. К его необузданной наглости, его беспардонной развязности, его... странному, извращенному чувству юмора. Меня одновременно раздражало и невольно забавляло его возмутительное поведение. Я чувствовала себя жалкой марионеткой в его руках, и это бесило меня до глубины души.

К вечеру я внезапно осознала, что с меня хватит. Хватит бегать от него, хватит прятаться в тени. Нужно встретиться с ним лицом к лицу и раз и навсегда положить конец этому безумию. Дрожащей рукой я набрала номер, который он прислал в последнем сообщении. Томительные гудки тянулись бесконечно долго, словно испытывая мое истощенное терпение.

Наконец, он ответил. Его голос звучал как всегда вызывающе нагло и самоуверенно.

– Ну что, созрела, моя неприступная королева? – с издевкой спросил он.

– Я хочу с тобой встретиться, – ответила я, собрав в кулак остатки самообладания, стараясь придать своему голосу оттенок ледяного спокойствия.

- Какой неожиданный поворот. И зачем же?
- Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, – выпалила я, не выдержав напряжения.

Он разразился громким, зловещим смехом.

- Что ж, это вполне осуществимо. Но для начала тебе придется кое-что для меня сделать.
- И что же? – с вызовом спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.
- Ты придешь ко мне на свидание. Один вечер в моей компании, и я исчезну из твоей жизни навсегда. Никаких звонков, никаких сообщений, никаких сюрпризов. Обещаю, тебе понравится, – прозвучал его льстивый, но угрожающий голос.

Я замолчала, обдумывая его предложение. С одной стороны, сама мысль о встрече с этим человеком вызвала у меня отвращение. С другой, это был шанс избавиться от него раз и навсегда. Я не могла позволить ему и дальше отравлять мою жизнь своим присутствием.

– Хорошо, – наконец сказала я, – я согласна. Но на моих условиях. Назначаю место и время. И никаких игр.

- Как скажешь, моя королева. Я буду ждать, – промурлыкал он в трубку и отключился.

Встреча была назначена на следующий вечер в укромном кафе на окраине города. Я пришла туда, полная решимости, но и с ощущением надвигающейся беды. Он уже ждал меня за столиком в глубине зала. Его взгляд был пронзительным и оценивающим. Я села напротив него, чувствуя, как все внутри сжимается от напряжения. Началась игра, правила которой мне были не известны.

Глава 3

Глава 3

– Соскучилась? Впрочем, можешь не утруждаться ответом. Этот хищный блеск в глазах говорит сам за себя, – его голос, словно удар кнута, хлестнул по натянутым струнам моих нервов, завершив этот наглый, сканирующий взгляд.

– Живи и дальше в своих болезненных фантазиях, меня не интересуется этот цирк уродов, – отрезала я, чувствуя, как ярость обжигает изнутри.

– Интересно, так же будешь изрыгать эту змеиную отраву, когда я буду внутри тебя? Или все-таки укротишь свою строптивую кошечку?

– Что ты себе вообразил, божок местного разлива? Я, кажется, предельно ясно дала понять: принца на белом коне не жду и не ищу.

– Да-да, именно поэтому ты здесь, вся такая неприступная Снежная королева.

Эта словесная дуэль грозила перерасти в мучительную пытку. Его самоуверенность уже царапала мою душу своими когтями, и я отчаянно попыталась сменить пластинку.

– Ну, как успехи? Надеюсь, твоя секретарша оказалась достаточно сговорчивой, чтобы решить твою проблему? Или все-таки последовал моему совету и набрал тот номер?

– Передумал я насчет сотрудницы.

– О, что случилось? Не потянул бы любовницу вечером?

– Я решил, что эту работу выполнишь ты. И мне плевать, хочешь ты этого или нет. В глубине души ты этого жаждешь, уверен, отсасываешь ты так же профессионально, как и язвись.

– Ты... мудака.

Кровь ударила в лицо, словно лава из вулкана. Ярость поглотила меня целиком, я едва сдержалась, чтобы не наградить его оглушительной пощечиной. Этот наглец перешел все границы дозволенного. Кто он, черт возьми, такой, чтобы позволять себе подобное?!

– Ты просто невыносим, – процедила я сквозь зубы, отчаянно пытаясь сохранить подобие самообладания. – Не собираюсь тратить на тебя больше ни единой секунды.

Развернувшись на каблуках, словно на лезвии ножа, я ринулась к выходу, но его рука, словно стальной капкан, сомкнулась на моем запястье. Хватка была жесткой, болезненной, пугающе властной.

– Постой, – прорычал он, притягивая меня к себе, словно добычу. – Мы еще не закончили.

В его глазах плескался нездоровый, хищный огонь, и по моей спине пробежала ледяная дрожь. Внутри меня разгорелась отчаянная борьба: страх против странного, необъяснимого, почти животного влечения. Я знала, что должна вырваться, убежать, скрыться, но ноги словно приросли к полу.

Его близость обжигала, словно прикосновение раскаленного металла, а запах – терпкий, мужественный, опасный – дурманил разум, словно ядовитый дурман. Я попыталась высвободиться, но его хватка лишь усилилась, притягивая меня все ближе, словно к жерлу вулкана. Его взгляд изучал меня, словно хищник, выбирающий момент для нападения. Я чувствовала себя загнанной в угол, и эта беспомощность одновременно пугала и возбуждала, словно запретный плод.

– Отпусти меня, – прошептала я, но мой голос дрожал, предавая всю глубину моего смятения.

Он усмехнулся, и эта усмешка была полна превосходства, какой-то темной, опасной силы. Медленно, словно играя с жертвой, он провел костяшками пальцев по моей щеке. От этого прикосновения по коже побежали электрические разряды, и я замерла, словно парализованная.

– Ты знаешь, что хочешь этого, – прошептал он, его горячее дыхание опалило мою шею, словно клеймо. – Не притворяйся, что я тебе противна.

Я молчала, боясь издать хоть звук. Правду говорить не хотелось, а лгать я не могла. Он был прав, чертовски прав. Несмотря на возмущение и страх, внутри меня действительно разгоралось пламя желания. Желания, которое я так долго и упорно подавляла, словно опасную болезнь.

– Оставь свои влажные фантазии при себе, и отпусти меня, в конце концов, на нас смотрят люди, – проговорила я, стараясь придать голосу как можно больше твердости.

– Это досадная оплошность, нужно было сразу ехать в номер, у меня друг держит гостиницу, сейчас быстро организую.

– Ты в своем уме? Что ты себе позволяешь?

– Придержи свой язвительный язычок, просто помолчи, а ртом будешь работать по прямому назначению, и учти – это совсем не прием пищи.

Его слова, словно ледяной душ, окатили меня, вернув к реальности. Отвращение с новой силой захлестнуло меня, смывая остатки нездорового влечения. Этот человек – воплощение всего, что я презирала. Циничный, надменный, уверенный в своей непогрешимости. Как я могла допустить, чтобы он хоть на секунду овладел моими чувствами?

– Не смей так со мной разговаривать, – прошипела я, вырывая свою руку из его хватки. – Ты болен. Тебе нужна помощь.

Его усмешка стала еще более зловещей.

– Болен? Возможно. Но, поверь, эта болезнь заразна. И ты уже инфицирована, детка.

Он сделал шаг ко мне, и я отшатнулась, ощущая себя загнанной в угол дикой кошкой, готовой к последней схватке.

– Не подходи, – предостерегла я, сжимая кулаки. – Я тебя не боюсь.

В его глазах промелькнула тень разочарования, но тут же сменилась привычным презрением.

– Как скажешь, – произнес он, отступая. – Но помни, я всегда получаю то, что хочу. И ты не исключение.

– Знаешь, мне надоели твои жалкие потуги, мой совет, смени любовницу, раз она тебя не может удовлетворить.

– Не переживай за нее, она уже получила отставку, теперь эта роль предназначена для тебя.

– Можешь и дальше тешить свое самолюбие этими фантазиями, но я – не трофей, который можно завоевать или купить. Я сама решаю, что мне делать и с кем быть. И поверь, ты в мои планы не входишь.

Он лишь презрительно скривился, словно мои слова были назойливым писком комара. Эта непробиваемая самоуверенность, граничащая с откровенным хамством, вызывала во мне новую волну ярости. Но я не собиралась поддаваться на его провокации. Ему не удастся сломить меня или заставить плясать под свою дудку.

– Время покажет, кто окажется прав, – проговорил он, обводя меня долгим, оценивающим взглядом. – Я умею ждать. И добиваться своего.

С этими словами он развернулся и направился к выходу, оставив меня в полном смятении. Внутри меня бушевал ураган противоречивых чувств. Отвращение, гнев, страх, но и... то самое, едва уловимое, животное влечение, которое я так отчаянно пыталась подавить. Я ненавидела его за то, что он пробудил во мне эти темные, запретные желания. За то, что заставил меня усомниться в себе и в своей неприступности. Но больше всего я ненавидела себя за то, что позволила ему это сделать.

Глава 4

Глава 4

– Ты тоже думаешь обо мне? – голос в трубке был наглым, пропитанным самоуверенностью, словно плеснул серной кислотой в гнетущую тишину, что разлеглась после нашей злополучной встречи.

– Не обольщайся, – прошипела я, обуздывая рвущуюся наружу ярость.

– Глория, моя маленькая колючка, знаю, ты не можешь выкинуть меня из головы. Признайся, тоскуешь по мне.

– Допустим. И что с того? Может, я пытаюсь понять, какое проклятие выплонуло тебя в мою жизнь?

Его утробный хохот, словно скрежет металла, казалось, готов разорвать барабанные перепонки, пульсируя прямо в мозг.

– Ага! Я так и знал! Ты лелеешь ночные грезы, как я вхожу в тебя, да? – извергал он свои грязные фантазии, словно гадюка, брызжащая ядом.

– Ты просто мудак, – процедила я сквозь зубы, чувствуя, как поднимается волна кипящей, обжигающей злобы.

– О, Глория, и это все, на что способна моя бухгалтерша? Я думал, ты более изобретательна в своих оскорблениях. Неужели весь твой талант уходит на жалкие годовые отчеты?

– Иди к черту, – выплонула я, судорожно пытаюсь ухватиться за ускользающий контроль. Кровь бурлила в венах, каждое его слово жгло раскаленным клеймом. Как же я ненавидела эту самоуверенность, этот бархатный, мерзкий голос, эту манеру говорить так, словно он читал мои мысли.

– Послушай, Глория, давай сбросим маски. Ты меня хочешь. Я знаю это, и ты это знаешь. Не трать время на отрицание. Просто признай это, и мы сможем поговорить как взрослые люди. Может, даже договоримся о чем-нибудь... пикантном.

В трубке повисла зловещая тишина, пронизанная лишь моим прерывистым, нервным дыханием. Я вцепилась в телефон мертвой хваткой, костяшки пальцев побелели, словно мрамор. Он выжидал, как паук, плетущий сеть. Он знал, что я сейчас разрываюсь между желанием захлопнуть эту клетку и выпустить на волю все, что я о нем думаю. И, черт возьми, он упивался этим.

– Знаешь что? – наконец проговорила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, как натянутая струна. – Ты прав. Я хочу тебя. Я хочу тебя... ударить. Жестоко. Несколько раз. А потом закопать в самой глубокой яме, которую только смогу отыскать. Так понятнее?

В трубке раздался приглушенный, зловещий смех, от которого по спине пробежали ледяные мурашки. Это был не смех, а скорее довольное мурлыканье хищника, играющего со своей жертвой.

– О, Глория, какая ты предсказуемая, – протянул он, смакуя каждое слово, словно глоток дорогого коньяка. – Ну что ж, по крайней мере, ты честна. Но знаешь, даже в твоих угрозах чувствуется страсть. И это меня... возбуждает.

Я молчала, оцепенев от ужаса. Каждое его слово – отравленный кинжал, вонзающийся в самое сердце. Я чувствовала себя обнаженной, беззащитной, словно он вывернул меня наизнанку и изучал, не стесняясь. И эта беспомощность сводила меня с ума.

– Ладно, Глория, – проговорил он после томительной паузы, словно давая мне последний шанс. – Я позвоню тебе позже. Может, к тому времени ты придумаешь что-нибудь более оригинальное. И помни, я жду твоего признания. Не заставляй меня долго ждать.

И связь оборвалась, словно перерезали пуповину. Я застыла, парализованная, телефон в руке – бесполезный кусок пластика. В голове – выжженная пустыня, лишь эхо его голоса,

змеиным шепотом, отравляло каждый уголок сознания. Ненавижу. Ненавижу его, себя... и этот липкий, животный страх, что он может оказаться прав.

Внезапный пинг мессенджера разорвал звенящую тишину. Не глядя, открыла чат, и мерзкий, похотливый оскал фотографии ударил в лицо, словно пощечина: его... эрекция, цинично приправленная надписью: «Хочешь лизнуть?».

– Мудак в квадрате, – отстучала я ядовитым ответом, – Андролога во мне увидел? Диагноз выписать?

Мгновенный звонок. Его номер – клеймо позора на экране. Бессмысленно игнорировать.

– Нет, колючка, просто хочу, чтоб твой ротик поработал по прямому назначению, – тут же заструился его голос, пропитанный похотью, словно дешевый парфюм.

– Представляешь, свой рот я всегда использую по назначению. Я им ем, – огрызнулась я, чувствуя, как закипает кровь.

– Ммм... а я вот представляю, как твой острый язычок скользит по всей длине... – замурылкал этот гад, словно кот, дорвавшийся до сметаны, – Скажи, что ты сейчас делаешь? Ты себя трогашь, моя колючка?

– Мудак в кубе, – выплюнула я, продолжая слушать, словно загипнотизированная коброй.

– Возьми, милая, в ротик его, хочу почувствовать, какой он влажный и горячий, как ты заглываешь до самого горла...

– Обратись с этим эксклюзивным предложением к своей любовнице или... к секретарше, – процедила я, теряя последние крохи самообладания.

– Хочу, чтобы это сделала ты, – прорычал он, – и скоро ты сама будешь об этом умолять.

Я швырнула телефон на диван, как раскаленный уголь, обжигающий ладонь. Мерзкий, отвратительный тип. Как он смеет? Ярость, как цунами, захлестывала, смешиваясь с унижением и липким отвращением. Хотелось разбить все вокруг, закричать, выпустить эту клокочущую лаву, но вместо этого я просто стояла, дрожа всем телом, словно осенний лист на ледяном ветру.

В голове – калейдоскоп обрывков фраз, воспоминаний о его самоуверенном взгляде, наглости, с которой он обращался со мной. Как я могла позволить ему это? Почему не бросила трубку сразу? Зачем вообще ответила?

Нужно действовать. Нельзя позволить ему дергать за ниточки. Нельзя дать ему понять, что он попал в цель.

Схватила телефон, судорожно листая контакты. Нужен кто-то, кто вернет меня в реальность, кто-то, чей голос не вызовет приступ тошноты. Набрала номер Ирины, моей лучшей подруги, единственного человека, способного вытащить меня из этой трясины.

– Ирка, мне нужно выговориться, – выпалила я, едва услышав ее сонный голос. – Это кошмар какой-то. Он... он опять...

Рассказала ей все, захлебываясь от злости и унижения, пропуская лишь самые мерзкие подробности. Ирина молча слушала, лишь изредка прерывая мои рыдания короткими, ободряющими фразами.

– Глория, послушай меня внимательно, – сказала она, когда я закончила свой сумбурный рассказ. – Он играет с тобой. Ему нравится твоя реакция. Ты даешь ему именно то, что он хочет – власть над тобой. Перестань реагировать. Заблокируй его номер, удали все сообщения. Полностью игнорируй его существование.

Глава 5

Глава 5

Закончив болтать с коллегой, я возобновила работу с документами, готовя их к визированию. У начальницы явно был тяжелый день, она была на взводе и готова сорваться на первом встречном. Ходили слухи, у нее проблемы с партнером, то ли личные, то ли романтические, точно не знаю. Я работаю здесь совсем недавно и еще не успела разобраться в хитросплетениях служебных романов.

Из раздумий меня вывел сигнал входящего сообщения. Не то чтобы я кого-то ожидала... хотя, кто я такая, чтобы лгать самой себе?

- Что, Глория Мигеровна, спряталась от меня? – сообщение с незнакомого номера ворвалось в мой день, как раскат грома, но я сразу поняла, кто его отправил.

- С чего ты взял эту чушь? С чего ты взял, что я вообще хочу от тебя прятаться?, – резко ответила я, чувствую, как бешено колотится сердце. С тех пор как я удалила Давида из всех своих контактов, моя жизнь превратилась в параноидальный кошмар. Я постоянно проверяла социальные сети и мессенджеры, ожидаю подвоха.

Он, конечно, тот еще тип и совершенно не умеет себя контролировать, но... в нем есть что-то магнетическое. Мне нравится острота наших словесных баталий, хотя иногда он доводит меня до иступления. Именно эта рискованная игра меня и привлекает.

- Я, кажется, уже говорил, что от меня не уйти, – пришло сообщение от этого наглого самоуверенного человека.

- Когда "кажется", нужно быть уверенным. У тебя уже не та память, чтобы помнить все свои глупости, – огрызнулась я в ответ, нервно печатаю на клавиатуре, – или что, опять нужен совет, как развлечь очередную пассию?.

- Ревнуешь?, – ответ пришел моментально, обжигает своим сарказмом.

- С чего бы? – пишу и придаю словам безразличный тон, – ты для меня никто.

- Это факт, – ответил Давид.

К этому моменту я кипела от ярости, как перегретый чайник, готовый взорваться. Какой же он несносный, что он себе позволяет. Как он может думать, что я ревную, да он просто невероятный хам.

- Ты просто мастер в том, чтобы меня раздражать, – написала я, чувствую, как пальцы дрожат от злости. – Исчезни из моей жизни и больше не пиши. Забудь мой номер, забудь мое имя, забудь, что я вообще когда-либо существовала в твоей жалкой жизни.

- Какие страстные угрозы, – ответил он. – Боюсь, это невозможно. Ты слишком глубоко засела в моей голове, чтобы я мог так просто тебя забыть. Да и потом, кто будет меня так забавно злить? Мне нужно, чтобы ты была рядом, Глория, хотя бы, чтобы мне не было скучно.

Я закатила глаза, понимаю, что затеяла проигрышную игру. Он наслаждался тем, что меня провоцировал, я давала ему то, чего он хотел.

- Ты просто невыносим, – пробормотала я себе под нос, смотрю на экран телефона. – Но что-то мне подсказывает, что это далеко не последняя наша переписка. И это меня пугает больше всего. Несмотря на всю свою ярость и раздражение, я знаю, что в глубине души жду его сообщений. Эта опасная игра с огнем, похоже, стала моей слабостью. И я не знаю, как от нее избавиться.

Мой палец замер над кнопкой вызова, разрываясь между желанием накричать на него, высказать все, что накопилось за эти недели словесной войны. Но я понимала, что это бессмысленно. Он только посмеется, подбросит еще больше дров в костер. Он словно питался моей злостью, подпитывал свое самолюбие каждой моей гневной тирадой. И все же, вопреки здравому смыслу, мне хотелось услышать его голос. Просто услышать.

Я бросила телефон на стол, повернулась к окну. Город внизу казался таким спокойным и безмятежным, словно в другом измерении. Как же я завидовала этим людям, которые, наверное, сейчас мирно смотрели кино с семьей, не мучаясь противоречивыми чувствами и бессмысленными переписками с несносными мужчинами. Мне досталась роль вечной жертвы его язвительных комментариев, его интеллектуальных провокаций.

Внезапно телефон завибрировал. Я схватила его, как утопающий хватается за соломинку. Номер был незнаком. Сердце бешено заколотилось. Может быть, это он? Решил сменить тактику, удивить меня неожиданным звонком? Я колебалась, прежде чем ответить. А вдруг это какая-то ошибка? Но любопытство взяло верх.

- Алло?, – произнесла я неуверенно. В трубке воцарилась тишина, а затем раздался до боли знакомый, насмешливый голос: Соскучилась, Глория Мигеровна? Я знаю, ты ждала моего звонка. И не пытайся этого отрицать.

- Даже не надейся, - выпалила я.

- Хорошо, как скажешь, через час я заеду за тобой, ты еще на работе?, – вдруг ответил он, а я от возмущения только открыла рот.

- С чего ты взял, что я соглашусь?, - не сдержала я недовольного тона, со стороны, наверное, пар валил из моих ушей от негодования.

- Не пыхти, змеюка, сегодня ночуешь у меня, и уточню сразу, я не разрешение и не твое согласие спрашиваю, - ответил этот кАзел.

-Да, ты...гад, - только и смогла я сказать в ответ.

- Побереги силы, они тебе сегодня пригодятся, - ответил он и отключился.

Я в бешенстве швырнула телефон, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Что он себе позволяет? Решил, что может командовать мной, как марионеткой? Да я скорее соглашусь уйти в монастырь, чем проведу ночь в его постели! Но, к сожалению, эта бравада звучала неубедительно даже для меня самой. Я знала, что у меня, нет сил, сопротивляться его напору, его самоуверенности. Он словно заморозил меня, лишил воли.

Час пролетел как в тумане. Я машинально собрала вещи, стараюсь не думать о том, что меня ждет. Начальница, уставшая и раздраженная, даже не заметила моего ухода. Да и какое ей дело до моих личных драм? Я вышла на улицу, ищу глазами знакомую машину. И вот она, черная BMW, припаркованная прямо у входа. Давид стоял, облокотившись на капот, с той самой самодовольной улыбкой, которая меня так бесила и одновременно так притягивала.

Я подошла к нему, стараюсь сохранить хоть какое-то подобие достоинства.

- И что это значит? - спросила я, скрестила руки на груди.

- То, что я умею добиваться своего, - ответил он, открыл передо мной дверь машины.

Я молча села, чувствую, как дрожат колени. Всю дорогу мы ехали молча, лишь изредка бросали друг на друга взгляды, полные напряжения и скрытого желания. Я понимала, что еду в ловушку, но почему-то не хотела из нее вырваться.

Квартира Давида оказалась именно такой, какой я ее себе представляла: стильной, современной, с панорамными окнами и видом на ночной город. Он молча провел меня в гостиную, предложил выпить вина. Я отказалась.

- Не бойся, я не собираюсь тебя насиловать, - усмехнулся он.

- А жаль, - вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Он удивленно вскинул бровь, а потом расхохотался.

- Ты неисправима, Глория, - сказал он, приближаясь ко мне.

И я знала, что сегодня ночью мне не уснуть.

Глава 6

Глава 6

– Ты руки мыл? – бросила я в лицо этому... как бы выразиться поприличнее... наглецу. Впрочем, козёл он и есть козёл, что тут выбирать выражения.

– Чего? – он вытаращил глаза, словно баран, впервые увидевший расписные ворота, и уставился на меня, будто я прямиком с Луны свалилась в его жалкое существование.

– Руки, говорю, мыл? – процедила я сквозь зубы, стараясь не выдать клокочущую внутри ярость.

– Какие, к чёрту, руки? – не унимался этот гадёныш, сверля меня взглядом, от которого по спине против воли побежали ледяные мурашки.

– Твои, разумеется, а не мои же! Ты что, совсем из ума выжил? Или старческий маразм нагрянул без предупреждения? – с притворным сочувствием осведомилась я, наслаждаясь тем, как его перекашивает от злости.

Его лицо налилось багровой кровью, а в глазах заплясали бешеные искры. Я каждой клеточкой чувствовала, как зреет буря. И, признаться, втайне предвкушала её. Мне всегда нравилось играть с огнём, особенно когда я уверена, что могу его обуздать.

– Ты меня, дорогуша, не учи, как жить, – прорычал он, надвигаясь на меня, словно грозовая туча. От него разило дешёвым одеколоном вперемешку со вчерашним перегаром – убойная смесь, способная свалить с ног даже слона. – Сам знаю, что мне делать. И когда мне руки мыть, понял?

– Ах, вот как? – сладко протянула я, отступая на шаг. – Ну-ну, посмотрим. А что, если я скажу, что не пушу тебя дальше, пока ты не ополоснёшь свои грязные конечности дезинфицирующим раствором?

Он замер, словно споткнулся о невидимую стену, испепеляя меня взглядом, полным неприкрытой ненависти. Долгая секунда тянулась, как резиновая, пока он переваривал мои слова. Затем медленно, словно выплёвывая каждое слово, прошипел:

– Ты ещё пожалеешь, что связалась со мной, стерва.

Угроза повисла в воздухе, густая и осязаемая, как предгрозовой смог. Я почувствовала, как по коже пробегают целые стада мурашек, но отступать не собиралась. Внутри меня бушевал коктейль из азарта и лёгкого страха – взрывоопасная смесь, которая подстёгивала и заставляла идти до конца, даже если впереди – пропасть. Я одарила его обманчивой улыбкой, стараясь придать ей как можно больше невинности, хотя внутри всё клокотало, словно в жерле вулкана.

– Неужели? – промурлыкала я, продолжая отступать. – Мне почему-то казалось, что ты сам должен быть заинтересован в соблюдении элементарной гигиены. Или ты из тех дремучих личностей, кто до сих пор верит, что микробы – это выдумка продажных учёных?

Он сделал шаг ко мне, и кровь в моих жилах мгновенно забурлила, выбросив в кровь лошадиную дозу адреналина. В воздухе отчётливо запахло опасностью, и этот запах пьянил меня. Он был похож на дикого зверя, загнанного в угол, и я была готова к любому его прыжку, к любому проявлению отчаяния.

– Ты перешла черту, – прошипел он, и в его голосе не осталось ничего, кроме чистой, первобытной злобы. – Я тебе этого не прощу.

– Ой, да ладно, – отмахнулась я с показной небрежностью. – Что ты можешь мне сделать? Убить? Сомневаюсь. Пожаловаться мамочке? Тоже вряд ли. Так что, может, просто пойдёшь и вымоешь руки? Это будет гораздо конструктивнее. Или ты боишься мыла?

Его глаза сузились до опасных щелочек, и я увидела в них отблеск неконтролируемой, животной ярости. На мгновение мне стало не по себе. Может, я действительно перегнула палку? Но отступать было уже поздно. Слишком многое поставлено на карту, чтобы сейчас давать слабину.

– Ты наивная дурочка, если думаешь, что всё так просто, – процедил он сквозь стиснутые зубы, приближаясь ещё на один шаг. – Ты играешь с огнём, и обожжёшься так, что мало не покажется. И плакать будет некому.

Я усмехнулась, стараясь не выдать ни малейшего волнения. – О, я обожаю огонь, – промурлыкала я, словно кошка, ласкающаяся к хозяйской руке. – Он так красиво горит, знаешь ли. И знаешь, иногда он очищает. Сжигает всё лишнее, оставляя только чистое золото.

Он остановился, словно обдумывая мои слова. В его глазах мелькнула мимолётная тень сомнения, но она тут же исчезла, уступив место прежней, испепеляющей злобе. Он сделал резкий выпад вперёд, пытаясь схватить меня за руку, но я успела увернуться, словно змея. Мы начали кружить по комнате, словно два хищника, присматривающихся друг к другу перед решающей схваткой. Воздух наэлектризовался до предела, готовый взорваться в любую секунду. И я знала, что сейчас начнётся самое интересное. Настоящая игра.

Я сделала обманное движение, словно собираясь бежать, и вытянула руку, словно невзначай смахнув со стола шахматную фигуру – чёрного короля. Он с глухим стуком покатился по паркету, остановившись прямо у его ног – символ поверженной власти.

– Шах и мат, – прошептала я, наблюдая за его реакцией.

Его лицо исказилось от неконтролируемой ярости, словно маска, сорванная ветром. Он рванулся ко мне, как разъярённый бык на красную тряпку, но я успела отскочить в сторону, схватив со стола тяжёлый бронзовый подсвечник. Золото вспыхнуло в полумраке комнаты, превратившись в смертоносное оружие. Он замер, оценивая ситуацию. В его глазах плескалась всё та же безумная ярость, но теперь к ней примешалась и осторожность. Он понимал, что я не блефую.

– Ты пожалеешь об этом, – прорычал он, медленно отступая к двери, словно отступающий зверь, загнанный в клетку. – Ты ещё не знаешь, с кем связалась.

– О, поверь мне, я знаю, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и даже презрительно, несмотря на бешено колотящееся сердце. – Я знаю о тебе абсолютно всё. И именно поэтому я здесь.

Он скрылся за дверью, оставив меня одну в комнате, наполненной напряжением и злобным ожиданием. Я опустила подсвечник на стол, чувствуя, как предательски дрожат руки. Игра началась, и я сделала свой первый ход. Теперь оставалось только ждать его ответа. И я почему-то знала, что он не заставит себя долго ждать.

Через несколько минут Давид вернулся в комнату. В его глазах по-прежнему горел недобрый огонь, но руки он почему-то демонстративно держал за спиной, словно прятал что-то.

– Что ты там прячешь? – спросила я осторожно, стараясь не выдать ни малейшего волнения. – Покажи. Не играй со мной, Давид.

– Уверен, тебе понравится, Глория, – ответил этот гадёныш с ехидной усмешкой, и медленно протянул руку вперёд, подходя ко мне всё ближе и ближе.

Я замерла, не зная, чего ожидать. Внутри всё сжалось от дурного предчувствия, словно перед прыжком в бездну. Что он задумал на этот раз? Какую ещё мерзость приготовил мне? Я не могла позволить себе расслабиться ни на секунду, даже если от этого зависела моя жизнь.

Он остановился в нескольких шагах от меня, и я увидела, как на его губах играет злобная, хищная ухмылка, от которой по коже побежали новые мурашки – теперь уже от страха.

Эта ухмылка не предвещала мне ничего хорошего, по крайней мере, моё чутьё кричало об этом во всё горло. Он подошёл так близко, что я почувствовала его дыхание, с привкусом дешёвого табака и лжи. Я напряглась ещё больше, готовая к любому его выпадку.

– Не бойся, Глория, я не сделаю ничего против твоей воли, – вдруг прошептал он хриплым, словно надтреснутым голосом, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла сразу расшифровать.

– Что... – не успела я договорить, как он вдруг схватил меня за шею, словно хищник свою добычу, и резко притянул к себе. В следующее мгновение его губы грубо и требовательно впились в мои, лишив меня воздуха и возможности сопротивляться.

Глава 7

Глава 7

— Да ты что себе позволяешь, пещерный троглодит? — прошипела я, словно гадюка, ощущая, как яд гнева обжигает горло. Он шархнул от меня, словно от прикосновения проказы, и в мутных омутах его глаз мелькнула тень растерянности.

— А ты, наивная дурочка, грезил, что мы до рассвета будем жевать лунную пастилу, пересказывая сказки на ночь? — прорычал он, исказив и без того хищное лицо в презрительной гримасе. Его ухмылка была сродни оскалу волка, почуявшего добычу.

— Хам! — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как ледяная волна ужаса захлестывает меня. Этот вертеп маньяка – последнее место, где я хотела бы оказаться. Едва я сделала шаг к спасительной двери, как его пальцы, словно когти хищной птицы, впились в мое запястье. — Ты хоть представляешь, как принято обращаться с женщинами?

— Я сказал, сегодня ты останешься здесь, — прорезал он ледяным тоном, от которого кровь стыла в жилах, а по коже побежали табуны мурашек. В его голосе звучал не приказ, а смертный приговор, вынесенный без суда и следствия.

Внутри меня вскипела ярость, словно лава в жерле проснувшегося вулкана. Кто он такой, чтобы вершить мою судьбу? Рванувшись, я попыталась вырваться из его хватки, но стальные тиски лишь сжалились, сдавливая кость до невыносимой боли.

— Отпусти меня сейчас же! — выплюнула я слова, пытаясь придать им стальную твердость, хотя внутри все дрожало, словно осенний лист на ветру. Его глаза, темные, как бездонные колодцы, буравили меня странным, нечитаемым взглядом, словно сканируя мою душу в поисках бреши. Этот взгляд парализовал, лишал воли, заставляя молить лишь об одном – исчезнуть, раствориться в воздухе.

— Ты никуда не уйдешь, — наконец произнес он, разрушив тягучую, гнетущую тишину. — Ты останешься здесь.

После его слов, полных яда и презрения? После его грубости и хамства? Что, черт возьми, происходит? В голове роились вопросы, требующие немедленных ответов, но губы словно заледенели, боясь произнести хоть слово, боясь услышать то, что окончательно похоронит все надежды.

Игнорируя мои безмолвные протесты, он потащил меня вглубь комнаты, к огромной кровати, застеленной темным, зловеще поблескивающим шелком, словно саваном. Каждое его движение было пропитано властью и уверенностью, от которой сердце сжималось в ледяной комок. Я чувствовала себя марионеткой в руках безжалостного кукловода, лишенной воли и права голоса.

Он швырнул меня на кровать, словно ненужную вещь. Пружины жалобно скрипнули под тяжестью моего тела, а в голове промелькнула мысль, что это конец. Конец всем надеждам, мечтам, свободе. Все рухнуло в одночасье, погребая под обломками мою наивную веру в сказку.

В его глазах я видела лишь отражение собственных страхов, гиперболизированных до чудовищных размеров, словно в кривом зеркале. Он казался воплощением всех моих кошмаров, ожившим и готовым поглотить меня целиком, без остатка. Я попыталась отползти, убежать, спрятаться, забиться в щель, но он был быстрее, сильнее, безжалостнее.

— Мы так не договаривались! — воскликнула я, отчаянно пытаясь воззвать к его разуму, к остаткам человечности, погребенным под слоем цинизма и жестокости.

— А как мы договаривались, Глория? — тут же парировал он, и в глубине его глаз плескалась неприкрытая похоть, голодная и хищная.

Он навис надо мной, словно стервятник над умирающей добычей. Его дыхание обжигало кожу, словно пламя паяльной лампы, а терпкий, мускусный запах его тела дурманил разум, сме-

шиваясь с ужасом и отчаянным желанием выжить. Я зажмурила глаза, ожидая неминуемого, но вместо этого услышала тихий, хриплый шепот, прозвучавший почти нежно: «Не бойся».

Слова прозвучали как издевка, как жестокая игра садиста. Не бояться? Как можно не бояться, когда над тобой навис этот человек, чьи глаза пылают неконтролируемым вожделем? Когда ты лежишь на этой чертовой кровати, словно жертва, обреченная на заклятие?

Внезапно его пальцы коснулись моего лица. Не грубо, нежно, почти ласково, словно он боялся сломать хрупкую статуэтку. Он провел кончиком пальца по моей щеке, спускаясь к подбородку. От этого странного прикосновения по телу пробежала дрожь, смешанная из страха и какого-то болезненного, запретного любопытства. Его взгляд смягчился, и в глубине темных глаз мелькнуло что-то похожее на... сожаление? Или это просто игра света и тени?

— Ты такая красивая, Глория, — прошептал он, и его голос звучал совсем иначе, не так грубо и презрительно, как раньше, а почти искренне. — Зачем ты пришла сюда?

Я не знала, что ответить. Ложь застряла в гортани, словно кость, а правда казалась слишком глупой и наивной, чтобы ее произносить вслух. Я пришла сюда за приключениями, за острыми ощущениями, за тем, чего так не хватало в моей скучной и предсказуемой жизни. И вот, пожалуйста, я здесь, в логове хищника, лицом к лицу со своими глупыми мечтами, разбившимися вдребезги.

Он наклонился еще ближе, и я почувствовала его горячее дыхание на своих губах. В голове билась лишь одна мысль: "Это конец", а его руки уже хозяйничали под моей кофточкой, бесцеремонно нарушая границы.

Жесткий кружевной лифчик стал непреодолимой преградой, но его пальцы умело растегнули застежку. Холодный воздух коснулся моей кожи, и я невольно вздрогнула. Его взгляд стал еще более пристальным, изучающим, словно он рассматривал меня как экспонат в музее. Я попыталась закрыться руками, но он перехватил их, прижав к кровати над моей головой, лишая последней надежды на сопротивление. Безысходность захлестнула меня с головой.

— Скажи мне, Глория, чего ты действительно хочешь? — прошептал он, его голос звучал почти умоляюще, словно он сам искал спасения. В этот момент я увидела в его глазах не только похоть, но и какую-то боль, какую-то глубокую рану, кровоточащую годами. Возможно, он тоже был жертвой, пленником своих собственных демонов. И тогда я поняла, что у меня есть шанс. Шанс не только спасти себя, но и, возможно, помочь ему выбраться из этого мрака.

— Я хочу уйти, — твердо ответила я, глядя ему прямо в глаза, пытаюсь увидеть в них хоть искру света. — Я хочу, чтобы ты отпустил меня.

Он молчал, словно обдумывая мои слова, взвешивая их на невидимых весах. В его глазах читалось удивление и какое-то смутное разочарование, словно я разрушила его тщательно выстроенный картонный домик. Он поднялся с кровати и, не глядя на меня, подошел к окну. За окном мерцали огни ночного города, равнодушные к драме, разыгравшейся в этой комнате, словно искры в бесконечной тьме.

Глория, подойди, посмотри какой красивый город, — неожиданно спокойным голосом произнес Давид, — подойди, не бойся.

Город, действительно красивый, — ответила я, когда подошла и посмотрела на ночной город, раскинувшийся внизу, словно усыпанный драгоценными камнями.

В этот момент Давид подошел ко мне так близко, что я чувствовала его дыхание, горячее и обжигающее. Он склонился и коснулся губами моей шеи, оставляя влажный поцелуй. Одной рукой он удерживал меня за шею, не давая отстраниться, а второй рукой пробирался под юбку, к трусикам, которые уже были предательски влажными.

Я вздрогнула от неожиданности, но не отстранилась. Его прикосновения были одновременно пугающими и волнующими, словно я стояла на краю пропасти, боясь упасть, но и не в силах оторвать взгляд от завораживающей бездны.

Его губы переместились выше, к моему уху, и прошептали: "Не уходи". В этом шепоте звучала не угроза, а мольба, отчаянная и беспомощная.

Я закрыла глаза, пытаюсь понять, что происходит. Почему я не сопротивляюсь? Почему не кричу? Почему позволяю ему делать это? Возможно, я просто устала бояться. Устала убежать. Устала от своей скучной и предсказуемой жизни. Возможно, я искала именно этого – опасности, риска, потери контроля.

Его рука нашла край моих трусиков, и я почувствовала, как он медленно, мучительно медленно стягивает их вниз. Холодный воздух коснулся моей кожи, и я снова вздрогнула. Я открыла глаза и посмотрела на Давида.

Глава 8

Глава 8

— Глория, не бойся, я не причиню тебе боли, — прошептал он, обжигая мои губы своим дыханием, словно касаясь их пламенем. — Если только ты сама не попросишь чего-то... особенного, — в его голосе прозвучала искра игривости.

— Я... просить... больно? — слова заплетались, словно нити, спутанные ветром. — Почему просить?

— Не волнуйся, все хорошо, — промурлыкал Давид, и его руки, будто вольные путники, начали исследовать мое тело.

— Ммм...

— Что, Глория, нравится? — спросил Давид, осыпая меня поцелуями, словно звездной пылью: сначала веки, потом кончик носа, а затем, дразняще, проводя языком по губам. — Ответь, Глория, я жду твоего признания.

— Да... но мы же договаривались, — выдохнула я, словно из груди вырвался стон.

— Конечно, и я верен каждому слову нашего договора, — заверил он.

— А ты готова выполнить свои условия?

— Готова, — прошептала я в ответ, чувствуя, как его пальцы, словно искры, проскальзывают под ткань рубашки, обжигая кожу желанием. Каждое прикосновение отзывалось волной трепета и нарастающей жажды. Закрыв глаза, я отдалась во власть его прикосновений, тщетно пытаюсь удержать ускользающие мысли, словно бабочек в ладонях. Его губы вновь настигли мои, на этот раз более требовательные, более страстные, словно жаждущие утолить вековую жажду. Я ответила на поцелуй, растворяясь в этом моменте, словно сахар в горячем чае, забывая обо всем на свете.

— Ты уверена? — прошептал он, отстраняясь на мгновение. В его глазах плясали вызов и нежность, как отблески костра в ночи.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Внутри бушевал ураган эмоций, страх и возбуждение переплелись в тугий, неразрывный узел. Но я знала, что хочу этого, хочу быть с ним, хочу испытать все, что он готов мне предложить, хочу познать границы дозволенного и неизведанного.

— Тогда доверься мне, — прошептал Давид, и я почувствовала, как он берет меня на руки. Он нес меня вглубь комнаты, к огромной кровати, застеленной шелковым бельем, словно облаком. В его объятиях я ощущала себя легкой и беззащитной, всецело полагаясь на его силу и умение, словно птица, доверившаяся полету ветра. Он опустил меня на кровать, и я смотрела на него снизу вверх, затаив дыхание, как на восходящее солнце. Он навис надо мной, глаза горели неутолимой страстью, и я знала, что эта ночь будет незабываемой, словно рождение новой звезды.

Комната наполнилась приглушенным светом луны, проникавшим сквозь неплотно задернутые шторы, словно таинственным шепотом ночи. Давид медленно расстегнул пуговицы моей рубашки, его пальцы задевали кожу, вызывая мурашки, словно легкое прикосновение крыльев бабочки. Ткань скользнула с плеч, обнажая меня перед его пристальным взглядом, словно представляя ему сокровенный дар. Я чувствовала себя одновременно уязвимой и невероятно желанной, как цветок, распутившийся навстречу солнцу.

Он провел кончиками пальцев по линии моей ключицы, спускаясь ниже, к груди, словно художник, касающийся кистью холста. Дыхание участилось, сердце бешено колотилось в груди, словно птица, бьющаяся в клетке. Я закрыла глаза, наслаждаясь каждым прикосновением, каждым мгновением, словно собирая драгоценные капли росы. Его губы коснулись моей шеи, оставляя нежные поцелуи, от которых все тело пронзила дрожь, словно от прикосновения лепестков розы.

Давид отстранился на мгновение, его глаза изучали меня с нежностью и страстью, словно пытаясь разгадать тайну моей души. Он снял свою рубашку, обнажая мускулистый торс, словно статую, сошедшую с пьедестала. Я провела рукой по его груди, чувствуя под пальцами упругие мышцы, словно прикасаясь к самой природе. Он наклонился и поцеловал меня, на этот раз глубоко и чувственно, словно сливая две души в единое целое.

Мы целовались долго, растворяясь друг в друге, забывая обо всем на свете, словно два океана, слившихся в бесконечность. Его руки скользили по моему телу, лаская и возбуждая, словно волны, ласкающие берег. Я отвечала на его ласки, отдаваясь во власть чувств, словно луна, подчинившаяся притяжению земли. Страсть нарастала с каждой секундой, и я знала, что скоро мы переступим черту, за которой не будет возврата, словно войдем в неизведанный мир. Но я не боялась, я хотела этого, хотела быть с ним, хотела познать все грани любви и наслаждения, словно сорвать запретный плод.

— Глория, расслабься, — шепчет Давид, — не бойся, милая, я же говорил, не сделаю больно, — потрогай меня, — он взял мою руку и положил на свой член, тем самым показывая свою готовность и эрекцию, словно предлагая мне ключ к вратам наслаждения.

Мое дыхание перехватило от неожиданности. Его прикосновение было горячим и твердым, пульсирующим жизнью. Я задрожала, словно осенний лист на ветру, не зная, как реагировать. Все мои чувства обострились до предела, словно натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Давид не торопил меня, он ждал, пока я привыкну к новым ощущениям, пока я сама не захочу большего. Его глаза горели нетерпением, но в них же я видела и нежность, и заботу, и обещание безграничного удовольствия. Я осмелела и начала двигать рукой вверх и вниз, чувствуя, как он стонет от удовольствия.

Он приподнялся на локте и, глядя мне в глаза, прошептал:

— Ты прекрасна, Глория. Ты сводишь меня с ума.

Его слова, словно бальзам, пролились на мою душу, и я почувствовала себя самой желанной женщиной на свете.

Он отстранился на мгновение и достал из тумбочки маленькую коробочку. Открыв ее, он достал презерватив и, не отрывая от меня взгляда, надел его. Затем он снова приблизился ко мне, и я почувствовала его горячее дыхание на своем лице. Он прикоснулся губами к моим, сначала нежно и робко, затем все более страстно и требовательно. Я ответила на его поцелуй, отдаваясь во власть нахлынувших чувств.

Давид медленно вошел в меня, и я вскрикнула от неожиданности. Но боль быстро прошла, уступив место нарастающему удовольствию. Он двигался плавно и ритмично, словно опытный танцор, ведущий меня в танце страсти. Каждое его движение отзывалось волной трепета и нарастающей жажды. Я обвила его ногами, прижимая к себе все сильнее, словно боясь, что он исчезнет.

Глава 9

Мир сузился до нас двоих, до этого залитого лунным светом уголка постели. Его движения стали чуть быстрее, увереннее. Я слышала его сдержанные стоны и собственное прерывистое дыхание, которое сливалось в неровный, пьянящий ритм. Внутри меня нарастало странное, теплое напряжение, словно собиралась гроза, обещающая освобождение.

— Посмотри на меня, — прохрипел он, и я открыла глаза, которые сама не заметила, как закрыла. Его взгляд приковал меня, глубокий и темный. В этом взгляде не было ничего постороннего, только я, только он и это наше тайное открытие друг друга. Я провела ладонями по его спине, чувствуя под пальцами напряжение мышц, капли пота, всю ту силу, что он сдерживал ради меня.

Волна накатила внезапно, разрешившись долгим, содрогающим внутренности спазмом. Я вскрикнула, вжавшись головой в подушку, и на мгновение перестала что-либо понимать. Давид, почувствовав мои конвульсии, резко замер, а затем, сдавленно выдохнув мое имя, наступил на меня, его тело напряглось в последнем, глубоком толчке.

Наступила тишина, нарушаемая лишь нашим тяжелым дыханием. Он осторожно лег рядом, не выпуская меня из объятий, и притянул к себе. Я прислушалась к бешеному стуку его сердца у своей щеки — теперь оно билось в унисон с моим. Он рассеянно гладил мои волосы, его пальцы дрожали.

- Глория, ты отважная девочка, не каждая согласилась бы, - вдруг начал говорить Давид, - а если бы я оказался маньяком или серийным убийцей?

- Вы? Серийный убийца, - промолвила я в ответ, не понимая к чему он это говорит.

- Давай-ка, прелесть шевели своими прелестями, - продолжил Давид и одновременно с этими словами вдруг шлепнул меня по попе, - я только начал или ты уже устала?

Я замерла, не сразу понимая, куда унесла меня эта странная резкость после такой близости. Его шлепок был не болезненным, но звучным, и он оставил на коже легкое, горящее пятно, которое странно контрастировало с нежной дрожью его пальцев в моих волосах секунду назад. Я взглянула на него, пытаясь найти в его темных глазах хоть объяснение, но увидела лишь смесь усталости, владения и какой-то игры, правила которой я еще не знала.

— Нет, — выдохнула я, и мой голос звучал неуверенно. — Я не устала.

Он медленно, почти изучающе провел рукой по тому месту, где только сейчас была его ладонь, затем скользнул ниже, его движения стали целенаправленными и безжалостно методичными. Он снова взял меня, но теперь иначе — без той первоначальной осторожности, с каким-то новым знанием. Это было не открытие, а проверка, утверждение. Я чувствовала, как внутри меня все снова зажигается, но теперь это пламя было смешано с острым, почти тревожным любопытством. Он говорил что-то, шептал обрывки фраз, которые я не могла полностью расслышать — что-то о прелестях, о глупости, о том, как легко можно оказаться в ловушке.

На этот раз волна пришла не как освобождение, а как захват. Он управлял ее приближением, тормозил и ускорял, и когда она, наконец, разбилась внутри меня, это было не криком в подушку, а сдавленным, беззвучным стоном, который он поглотил своим поцелуем. Его финал был более длительным, более властным, и когда он закончил, он не притянул меня сразу к себе, а остался лежать сверху, тяжелый и настоящий, позволяя мне чувствовать каждый грамм его веса, каждое сокращение его мышц.

Когда он, наконец, откатился на бок, тишина была уже другой — более густой и насыщенной невысказанными словами. Он смотрел на потолок, его лицо было серьезным и отстраненным. Я не решалась прикоснуться к нему теперь. Бешеный стук сердца у щеки сменился на медленный, глубокий ритм, и я поняла, что моё собственное сердце билось уже не в унисон с ним.

— Вот так, — сказал он, наконец, голос был низким и почти без эмоций. — Теперь ты знаешь немного больше. Не только о себе. И о людях. — Он повернулся к мне, и в его взгляде появилось что-то, похожее на усталое удовлетворение. — Но ты действительно отважная, Глория.

Несколько минут я лежала пытаюсь перевести дыхание.

- Вы меня обманули, - начала я, - сказали, что ничего не будете делать, а сами поимели меня!

- Я ни делал ничего того, чтобы ты не хотела Глория, - ответил Давид и положил свою ладонь на мою шею и чуть придушил меня. – Ты же сама текла по мне, или у тебя память коротка девочка? Ответь.

- Я не знаю, что вы возомнили себе.

Он наклонился ко мне и впился в мои губы, тараня мой рот своим языком.

Я вырвалась из поцелуя, тяжело дыша, и уперлась ладонями ему в грудь. Его рука все еще лежала на моей шее, не сжимаясь, но напоминая о себе тяжелым, теплым весом. В темноте его глаза блестели, и я не могла понять, злится он или просто дразнит меня, проверяет.

— Вы слишком много говорите, — сказала я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. — Сначала про маньяков, потом про отвагу. Вы пытаешься меня напугать или оправдаться?

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. Убрал руку с моей шеи и провел пальцами по моей ключице, медленно, словно рисовал линию.

— Я не оправдываюсь, Глория. Я просто хочу, чтобы ты понимала, с кем имеешь дело. Чтобы потом не говорила, что я тебя обманул. — Он помолчал, его взгляд стал тяжелее. — Ты пришла ко мне сама. Знала, что я не буду читать тебе стихи и дарить цветы. Так что не строй из себя жертву.

Я слотнула, чувствуя, как внутри поднимается глухая волна обиды, смешанной с чем-то еще — может быть, с уважением к его честности. Он был прав: я знала, на что шла. Но знать и чувствовать — разные вещи. Я отвернулась, упершись взглядом в потолок, где лунный свет рисовал дрожащие тени от веток за окном.

— Я не строю из себя жертву, — тихо ответила я. — Но вы могли бы быть мягче. Хотя бы после.

Он молчал долго, и я уже подумала, что он уснул или просто не хочет отвечать. Но потом я почувствовала, как его рука легла на мою талию, и он притянул меня ближе, уткнувшись носом в мои волосы. Его дыхание было теплым и ровным.

— Мягкость — это роскошь, которую я не могу себе позволить, — сказал он почти шепотом. — Но ты мне нравишься, Глория. Правда. Поэтому я и говорю тебе все это. Чтобы ты знала: если захочешь уйти — уходи сейчас. Потом будет поздно.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его слова оседают где-то глубоко внутри, тяжелые и горькие, как недопитое вино. Я не знала, хочу ли уйти. Но знала точно, что останусь. Хотя бы для того, чтобы понять, кто он на самом деле — и кто я рядом с ним.

Глава 10

— Какой же всё-таки гадёныш этот Давид, — вертелось у меня в голове, — нет, не так: он козёл! Мерзкий, самовлюблённый козёл!

Прошло несколько дней с тех пор, как у меня с ним случилось... Господи, страшно даже подумать. Секс! У меня — с этим неотёсанным хамом. Ну хорошо, лукавить не стану: секс был прекрасен. Но с кем?! С... с... с... не могу подобрать слово, которым можно описать этого... му... судака.

— Если бы... Ты даже не представляешь, куда я в этот раз вляпалась... — Ирка, привет, — подруга ответила практически сразу. — Я дура, какая же я дура. — Ха... Америку открыла, — ответила она. — Что на этот раз ты сделала? Или снова кому-то яд прыснула?

— Встречаемся в кафе, около твоего дома, — сразу отозвалась подруга, — и всё в подробностях расскажешь. В подробностях, Глория!

Спустя тридцать минут я уже сижу в кафе и, фигурально выражаясь, выламываю себе руки. Покупаю любимый американо и наслаждаюсь, но, как оказалось, «недолго музыка играла».

— Глория, я внимательно, — говорит подруга и садится напротив меня. — Он классный? Жеребец? Скажи, а какой у него размер? Надеюсь, есть чем гордиться?

— Ну, о чём ты думаешь? — говорю, а у самой глаза закатываются от возмущения. — Ещё совсем недавно ты была о нём совсем другого мнения!

— Всё меняется, детка, — отвечает Ира с улыбкой.

Боже, она ещё и лыбу давит, и это моя подруга. Сидит, ждёт моё повествование о том, как я провела ночь с этим... упырём самовлюблённым.

— Это была... — только я открыла рот, чтобы начать оправдываться, как тут прилетело смс. Открываю на экране телефона фото эрегированного члена и надпись: «Он тебя хочет».

— Вот козёл озабоченный! — вырвалось у меня раньше, чем я подумала.

— Ничего, этот показывает, как ему нехорошо, — ответила я. — Подожди секунду, я должна ответить. — Что там? — потянулась подруга к телефону.

Беру телефон удобней в руку, секунда на обдумывание текста — и понеслась душа в рай, как говорится: «Ты бессмертный, что ли? Я понять не могу, что ты от меня хочешь? Может, в тебя бес озабоченный вселился? Вызвать экзорциста? Быть может у тебя длинный язык? Так не беспокойся, я могу его укоротить!», и я нажала на кнопку отправить сообщение с чувством выполненного долга.

И только потом пробежала запоздалая мысль, что про язык я зря написала. Этот маньяк обязательно напомнит...

— Ира, ты мне друг или мимо проходишь??? Как мне теперь от него избавиться? Это всё ты виновата! — затараторила я, пока подруга хлопала глазами.

Ира взяла телефон из моих рук, прочитала переписку и расхохоталась так громко, что бармен обернулся.

— Глория, ты гений! — вытирая слёзы, проговорила она. — «Бес озабоченный» — это шедевр. Но ты так и не ответила: он что, реально после той ночи тебя донимает? Пишет каждый день? Звонит?

— Хуже, — простила я, пряча лицо в ладонях. — Он теперь знает, где я работаю. Вчера прислал курьера с букетом в офис. Сорок две розы, Ир! Сорок две! А в открытке: «Скучаю по твоей шее».

Теперь все коллеги думают, что я кручу роман с тайным миллионером. А это всего лишь он — Давид, который в разговоре через слово вставляет, какой он крутой, и считает, что жен-

щина должна носить только юбки, потому что в брюках у неё «попа выглядит квадратной и не сексуальной. Ещё в брюках сложнее добраться до клитора!! Он маньяк!».

— Ого, — присвистнула подруга, откинувшись на спинку стула. — А ты ему хоть раз говорила, что не хочешь продолжения?

— Я ему послала голосовое, где матом на три минуты объяснила, чтобы он забыл мой номер и адрес, — ответила я, начиная злиться. — Знаешь, что он сделал? Прислал аудио длиной в секунду. Я нажимаю — а там: «Как скажешь, маленькая», и этот его смешок. Такой, знаешь, уверенный, наглый. Будто он знает, что я всё равно сорвусь и приду.

Ира задумчиво помешивала свой латте. Пауза затянулась. Я уже хотела добавить про то, что он появляется в моих мыслях чаще, чем хотелось бы, даже когда я сплю, — но вовремя прикусила язык.

— Знаешь что, — подруга вдруг посерьёзела, — я, может, и дура, когда дело касается мужчин, но тут я вижу одну простую вещь. Он не просто козёл. Он втрескался. По уши, Глория. Иначе зачем так настойчиво лезть? Ты ему дала от ворот поворот, а он шлёт тебе дикпикси и розы сорок две штуки. У мужиков, которые просто хотят переспать, терпения на неделю не хватает. А этот уже месяц долбит. . И да, это после того, что он все-таки тебя трахнул!!!

— И что ты предлагаешь? — спросила я с сарказмом, хотя внутри что-то дрогнуло. — Сдаться? Выйти за него замуж, родить тройню и забыть про своё достоинство?

— Я предлагаю встретиться с ним ещё раз, — спокойно сказала Ира, глядя мне прямо в глаза. — Не в постель прыгать. А поговорить. По-человечески. Там, где люди нормально разговаривают, а не в переписке с членом на фото. Пусть покажет, что он за человек, когда не пытается тебя уложить. А если снова начнёт хамить и лезть — я сама ему вызову экзорциста. Обещаю.

Я хотела возразить. Открыла рот — и вдруг вспомнила, как он, вопреки своей обычной наглости, в ту ночь на секунду замер и тихо спросил, удобно ли мне. И как убирал волосы с моего лица, когда думал, что я сплю. Я зажмурилась и помотала головой, отгоняя эту картинку. Но где-то в глубине души — той самой дыры, которая вляпывается в истории почище американских горок — затеплился нелепый, смешной интерес. А что, если за этой корой самовлюблённого судака и правда что-то есть? Или я просто оправдываю собственную слабость?

Глава 11

Я хотела возразить. Открыла рот — и вдруг вспомнила, как он, вопреки своей обычной наглости, в ту ночь на секунду замер и тихо спросил, удобно ли мне. И как убирал волосы с моего лица, когда думал, что я сплю. Я зажмурилась и помотала головой, отгоняя эту картинку.

Но где-то в глубине души — той самой дуры, которая вляпывается в истории почище американских горок — затеплился нелепый, смешной интерес. А что, если за этой корой самовлюблённого судака и правда что-то есть? Или я просто оправдываю собственную слабость?

После разговора с подругой я несколько дней не решалась назначить встречу с Давидом. Не стану скрывать: безумно хотела — и в то же время не могла переступить через себя.

— Ты долго собираешься от меня бегать? — ожил телефон в руке, как раз когда я набралась смелости написать ему этому му судаку, в общем.

— С чего ты взял? — спросила, изо всех сил стараясь не выдать волнения.

— С того, девочка! — прорычал он в трубку. — Не думай, что я тебя отпускаю.

— Запомни раз и навсегда: я не вещь, — ответила.

— Это ты запомни, Глория. Я тебя не отпускаю. Если понадобится, я тебя к себе привяжу! — Давид уже не скрывал собственного бешенства. — Заберу тебя после работы, — бросил и отключился.

Я смотрю на телефон, и в голову не лезет ничего, кроме отборного мата. После разговора с этим «самовлюблённым козлом» я не могу сосредоточиться на работе, хотя сегодня мне нужно сдавать очередной отчёт.

— Чёрт я ещё и в платье. Кто просил меня именно сегодня так вырядиться — прошипела я, прежде чем успела вспомнить, что в офисе я не одна.

Рабочий день подходил к концу. Я честно пыталась привести свои эмоции к общему знаменателю, но ничего не выходило: отчёт не писался, а самое главное — этот, не буду показывать пальцем (некрасиво), не выходил из головы.

Делать нечего — не ночевать же мне теперь в офисе. Трусихой я никогда не была, но сегодня мне почему-то страшно.

— Эх, девочки и мальчики тоже. Была не была, как говорится, — мыслительный процесс в голове заработал с удвоенной силой. — Пошла я сдаваться.

Лифт спускался слишком медленно. Каждая секунда длилась вечность, и я успела перебрать в голове с десяток вариантов развития событий: от спокойного разговора до громкого скандала на парковке. Когда двери открылись, я увидела его сразу. Давид стоял у выхода, прислонившись плечом к стеклянной двери, и смотрел на телефон. Он не был зол — нет, в его позе читалась решимость. Зеленые глаза поднялись на меня, и я заметила, что под ними залегли тени. Спал ли он вообще эти дни?

— Садись, — коротко бросил он, открывая передо мной дверь машины. Ни «привет», ни «как дела». Только этот жест, от которого у меня внутри всё перевернулось.

Мы ехали молча минут десять. Город за окном уже начал зажигать огни, и в отражении стекла я видела его профиль. Он сжимал руль так, что побелели костяшки. И вдруг — не поворачивая головы — он произнёс:

— Знаешь, что самое паршивое? Я привык получать всё, что хочу. Всегда. А тут — ты. И я не знаю, как с тобой быть. Ты не берёшь мои правила игры.

Я молчала. В голове билась одна мысль: «Не смей сдаваться». Но губы сами собой шепнули:

— А ты пробовал просто спросить? А не приказывать?

Машина остановилась в знакомом ЖК. Того самого, где мы провели с ним ночь. Он выключил двигатель, повернулся ко мне и вдруг — совершенно неожиданно — улыбнулся.

Не той наглой, самоуверенной улыбкой, к которой я привыкла, а растерянной, почти мальчишеской.

— Пробую. Прямо сейчас. Глория, — он сделал паузу, и я физически ощутила, как ему трудно даются эти слова, — поужинаешь со мной? Без условий. Просто поужинаешь.

Я смотрела на него и чувствовала, как та самая дура в моей душе снова расправляет плечи. Интерес занозой засел где-то под рёбрами. И, сама себе, удивляясь, я кивнула.

Мы поднялись в квартиру, на журнальном столике лежала раскрытая книга в твёрдой обложке, на подоконнике — забытая кружка с остывшим чаем, а из кухни тянуло чем-то тёплым и пряным. Давид снял пиджак и повесил его на спинку стула, а затем — видимо, чтобы скрыть неловкость — принялся хлопотать у плиты.

Я села на высокий табурет у барной стойки и наблюдала за ним молча. В этом не было привычного спектакля, он не пытался произвести впечатление. Он просто что-то помешивал, иногда хмурясь, иногда тихо чертыхаясь, когда брызги масла попадали на плиту. И в какой-то момент я поймала себя на том, что улыбаюсь. Эта бытовая, почти уязвимая картина казалась мне куда более интимной, чем та страстная ночь.

Когда он поставил передо мной тарелку с пастой, я поняла, что безумно голодна. Не столько физически, сколько эмоционально — последние дни я жила на одних нервах и чёрством кофе, пережёвывая свои сомнения. Я попробовала и невольно зажмурилась от удовольствия. Еда оказалась действительно вкусной, и где-то на задворках сознания мелькнула шальная мысль: «Господи, он ещё и готовить умеет, этот гад».

Давид молчал, не давил, не пытался заглянуть мне в глаза и выведать тайны. Он просто сидел напротив и ел, изредка поглядывая на меня. И в этом молчании не было напряжения, а было какое-то странное доверие, будто мы оба наконец-то скинули маски и позволили себе быть настоящими.

— Глория, — наконец произнёс он, отодвигая пустую тарелку. Голос звучал глухо, но без привычной стальной интонации. — Я не умею просить. И ты права — я привык брать. Но с тобой всё ломается. Я хочу, чтобы ты осталась сегодня, но знаю, что не имею права этого требовать. Поэтому я просто говорю: останься, если хочешь. Если нет — я отвезу тебя домой. И это не будет концом.

Я молчала, медленно обводя пальцем край бокала с водой. Внутри меня боролись два голоса. Первый — осторожный, измученный прошлыми ошибками и страхом снова обжечься — кричал бежать. Выдохнуть, сказать «нет», запереться в своей квартире и больше не подпускать этого человека к себе. Второй — тот самый, который раньше я презирала за наивность — шептал, что люди меняются, что за наглостью и упрямством часто прячется неуверенность, что никто не идеален, и что иногда стоит рискнуть. Я подняла голову и встретилась с его взглядом. В зеленых глазах больше не было вызова, только ожидание и какая-то трогательная, почти болезненная надежда.

— Ты невыносим, — выдохнула я, чувствуя, как собственные слова звучат совсем не так, как я планировала. Не жёстко, а почти ласково. — Но, кажется, я готова попробовать ещё раз выучить твои правила игры. Или, — я усмехнулась, — переписать их заново.

Давид не ответил. Он всего лишь протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были тёплыми, и в этом жесте не было силы, только просьба. Я не отдернула руку. И когда мы вместе поднялись, чтобы убрать посуду, столкнулись плечами, и это случайное прикосновение вдруг показалось важнее всех громких слов и обещаний. Ночь за окном опускалась на город мягким одеялом, а я впервые за долгое время чувствовала, что не боюсь завтрашнего дня.

Мои дорогие, прошу прощения за задержку новой главы. Но так бывает — не всё зависит от нас. Иногда жизнь напоминает нам, что даже самый тщательно выверенный план — лишь бумажный кораблик, пущенный по реке обстоятельств.

Глава 12

Эта крошечная заноза, засевшая под моей кожей, молчит уже несколько дней. Решила, что если не ответит в мессенджере и не возьмёт трубку — я отступлю. Просчиталась, малявка: от её молчания интерес только разгорается ярче. — Давид, ты что, меня не хочешь? Нора, моя любовница ловкими пальцами освободила мой член и медленно провела рукой по всей длине. Я молчал, чувствуя, как её пальцы скользят по коже — уверенно, привычно, почти профессионально. Мы были знакомы полгода, и за это время я выучил каждое её движение, каждый вздох, каждую паузу, что предшествовала капризу. Она ждала ответа — ждала, что я скажу «да» или хотя бы сделаю вид, что колеблюсь, чтобы потом сдаться с мучительной страстью. Но я смотрел сквозь неё — на экран телефона, где последнее сообщение от той, другой, так и осталось неп прочитанным. — Ты слышишь меня? — голос любовницы стал резче, пальцы сжались сильнее, требуя внимания. — Давид, я здесь, перед тобой, а ты витаешь где-то в облаках. Я перевёл взгляд на неё. Красивая женщина, ухоженная, страстная — всё при ней. Но в том-то и беда: слишком правильная, слишком предсказуемая. Она знала, как доставить удовольствие, но не умела задеть за живое. А та заноза, что засела под кожей, — она даже не старалась быть удобной. Она молчала, игнорировала, исчезала, а потом писала односложное «привет» — и я снова летел к ней, забывая обо всех остальных. — Прости, — сказал я, мягко убирая её руку. — Сегодня не мой день. Нора отдернула ладонь, будто обожглась. В её глазах мелькнула обида, но она быстро взяла себя в руки — слишком хорошо воспитана, чтобы устраивать сцены. Она молча накинула халат, прошлёпала босыми ногами к кухне и включила чайник. Я слышал, как звякнула чашка, как зашумела вода — привычные звуки разбитого вечера. А я уже набирал сообщение той, молчаливой, вбивая одно слово: «Всё ещё жду». Я отправил сообщение и откинулся на спинку дивана, чувствуя, как пульс глухо стучит в висках. Нора гремела посудой на кухне, но я почти не слышал этого — все мысли были заняты экраном, где галочки так и остались серыми. Прошло пять минут, десять — ответа не было. Я уже привык к этому: она всегда заставляла ждать ровно столько, сколько нужно, чтобы я успел накрутить себя до предела. Иногда я злился, иногда — сходил с ума от неизвестности, но сейчас во мне поселилось странное спокойствие. Я знал, что она прочитает. Я знал, что ответит. Вопрос был только в том, когда именно она решит, что я достаточно помучился. Чайник на кухне закипел, и любовница вернулась в комнату с двумя чашками. Поставила одну передо мной, села в кресло напротив, поджав ноги под себя. Она молчала, но её молчание было другим — тяжёлым, требовательным, полным невысказанных упреков. Я взял чашку, обжёг пальцы о горячий фарфор, но не поставил обратно. Вместо этого я смотрел на неё и вдруг понял, что не вижу её по-настоящему уже несколько недель. Она была фоном, удобной тенью, которая всегда рядом, когда нужно. А я искал ту, что убегала, потому что бегство делало её реальной. — Кто она? — спросила любовница тихо, не глядя на меня. — Я не дура, Давид. Я вижу, как ты смотришь в телефон. Как ты вздрагиваешь, когда приходит уведомление. Как ты становишься пустым, когда его нет. Я не ответил. Не потому, что хотел её обмануть, а потому, что не знал, как объяснить то, что сам не понимал до конца. Эта девушка не была красивее, умнее или лучше — она просто была иной. Она не давала мне гарантий, не обещала тепла, не играла по правилам. И в этой недоступности была такая острота, от которой у меня сносило крышу. Нора встала, забрала мою нетронутую чашку и вылила чай в раковину. Звук воды ударил по нервам, и я наконец поднял на неё глаза. Она стояла у окна, обхватив себя руками, и смотрела в темноту. — Уходи, — сказала она, не оборачиваясь. — Иди к ней. Или не ходи. Мне всё равно. Но здесь тебе больше нечего делать. Я поднялся, надел пиджак, сунул телефон в карман. У порога замер на секунду, чтобы сказать что-то — из вежливости, из привычки, из чувства вины. Но слова застряли в горле. Она не обернулась, и я вышел в коридор, где пахло чужими судьбами и остывшим кофе. На улице было

прохладно. Я закурил, глядя в ночное небо. Сейчас к ней решил не ехать — не хотел пугать Глорию Мигеровну своим внезапным визитом. Пусть живёт спокойно сегодня. Домой приехал минут через сорок. Наверное, ещё и штрафов привёз за превышение — плевать. Не это главное. Глория Как же я хочу, чтобы ты сейчас оказалась в моих руках. Хочу слышать твои стоны, как ты кончаешь от моего члена, как твоя нежная щёлочка течёт для меня. От этих мыслей яйца свело так, что вот-вот лопнут — тугой, горячей болью отдалось в паху. Я вытащил член и начал дрочить, снова и снова вызывая в памяти, как Глория ведёт языком по всей длине ствола, обволакивая, вбирая в рот до самого основания. Я перематывал плёнку нашего первого раза — в глазах её дрожал страх, но она шла до конца, в каждом смысле этого слова, не сворачивая. Мне хватило нескольких движений — сперма ударила, как никогда в жизни, выжигая память о том, что было. Я и не знал, что так бывает: что одно лишь воспоминание способно вышибить тебя из реальности. Но это случилось. С ней. С Глорией. — Завтра, детка, — выдохнул я вслух, и губы сами расплылись в улыбке. — Не отвертись. Замо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.